

Александр Татаринов

ГЛУБЖЕ НОЧИ

Александр Татаринов

ГЛУБЖЕ НОЧИ

«Автор»

2026

Татаринов А.

ГЛУБЖЕ НОЧИ / А. Татаринов — «Автор», 2026

Москва. Слякотная осень. Захар — обычный таксист, работающий по ночам. Он возит пассажиров, слушает радио и старается не думать о тревожных новостях: в городе орудует маньяк, убивающий светловолосых художавых девушек, оставляя на их телах странный загадочный знак. Однажды Захар начинает замечать, что его собственные ночи становятся всё более размытыми. Он просыпается с царапинами на запястьях и не помнит, где был. В его квартире появляются чужие вещи, а маршруты из приложения такси совпадают с местами преступлений. Внутри него просыпается чужой голос, который говорит, что он — это и есть тот самый охотник. И что Захар — лишь оболочка, за которой скрывается Ночной. С каждой страницей герой всё глубже погружается в собственное безумие, пытаясь отделить себя от того, кто живёт внутри. Но когда линия между «я» и «не-я» стирается окончательно, город начинает дрожать от страха. И охотник уже не просто убивает — он ведёт игру с теми, кто за ним охотится.

© Татаринов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
Содержание	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Татаринов
ГЛУБЖЕ НОЧИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Содержание

- Глава 1. Смена·
Глава 2. Эхо·
Глава 3. Чужая вещь·
Глава 4. Перелом· Вставка 1. Из сводки·
Глава 5. Голос в эфире· Вставка 2. Из протокола·
Глава 6. Ночной· Вставка 3. Из сводки·
Глава 7. Что-то не так·
Глава 8. Вспышки· Вставка 4. Из сводки·
Глава 9. Следы· Вставка 5. Из блокнота следователя
Часть вторая. ТРЕЩИНЫ· Глава 10. Изнутри наружу· Вставка 6. Из сводки·
Глава 11. Тот, кто внутри· Вставка 7. Из блокнота следователя·
Глава 12. На приеме· Вставка 8. Из сводки·
Глава 13. Иглы на карте· Вставка 9. Из аналитической записки
Часть третья. ДВОЙНИК·
Глава 14. Полусвет· Вставка 10. Из сводки·
Глава 15. Вкус тишины·
Глава 16. Новая кожа·
Глава 17. Город в лихорадке· Вставка 11. Из радиального эфира·
Глава 18. Сжатие·
Глава 19. Перемена почерка· Вставка 12. Из сводки
Часть четвёртая. ПОДПИСЬ·
Глава 20. Эйфория· Вставка 13. Из сводки·
Глава 21. Состояние·
Глава 22. Трещина наружу·
Глава 23. Созвездие· Вставка 14. Из сводки·
Глава 24. Последняя смена· Вставка 15. Из рапорта·
Глава 25. Охота· Вставка 16. Из рапорта·
Глава 26. Игра без правил· Вставка 17. Из записной книжки следователя·
Глава 27. Я — это уже не ты·
Глава 28. Почти· Вставка 18. Из рапорта·
Глава 29. Край города·
Глава 30. Имя в эфире· Вставка 19. Из утренней сводки·
Глава 31. Он среди нас· Вставка 20. Из сводки·
Глава 32. Назначенное место· Вставка 21. Из рапорта·
Глава 33. В кармане· Вставка 22. Из сводки·
Глава 34. Подходящая тень· Вставка 23. Из сводки·
Глава 35. Исчезновение· Вставка 24. Из сводки· Глава
36. Заботливый· Вставка 25. Из сводки·
Глава 37. Побег· Вставка 26. Из сводки·
Глава 38. Разочарование· Вставка 27. Из сводки·
Глава 39. Грань· Вставка 28. Из сводки·
Глава 40. Просмотр· Вставка 29. Из сводки·
Глава 41. След в след· Вставка 30. Из сводки·
Глава 42. Последнее, что она видела·
Глава 43. Наводка· Вставка 31. Из сводки·
Глава 44. Пока ты читаешь·

Глава 45. Подставная· Вставка 32. Из рапорта·
Глава 46. Театр одного· Вставка 33. Из рапорта·
Глава 47. Сквозь пальцы· Вставка 34. Из сводки·
Глава 48. Точка на карте· Вставка 35. Из сводки·
Глава 49. Последний покой· Вставка 36. Из рапорта·
Глава 50. Бесшумный штурм· Вставка 37. Из сводки·
Глава 51. Допрос· Вставка 38. Из протокола допроса·
Глава 52. Беседа с доктором· Вставка 39. Из заключения психиатра·
Глава 53. После· Вставка 40. Из финальной сводки·
Глава 54. Дверь·

Эпилог. Через год

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОРМА

Глава 1. Смена

Москва пахла мокрым асфальтом и прелыми листьями. Захар выехал в шестом часу, когда небо уже потеряло дневную синеву, но ещё не налилось ночной чернотой — висело над крышами серое, тяжёлое, как застиранная простыня. Машина прогрелась быстро. В салоне пахло хвоей и дешёвым кофе. Освежитель на решётке вентиляции покачивался в такт неровному холостому ходу. Он включил передачу и выехал. На Садовом уже собиралась пробка. Захар встал в левый ряд и отпустил мысли. Работа не требовала разговоров. Пассажиры сами решали: кому-то нужно молчать, кому-то — выговориться. Захар умел и то и другое. Он не лез с вопросами, не включал громкую музыку, не комментировал дорогу. Если человек хотел тишины — вёз молча. Если начинал говорить — слушал, изредка кивая, глядя в зеркало заднего вида. За четыре года он научился чувствовать людей за минуту. Кто скандалист — видно по тому, как хлопает дверью. Кто не заплатит — по бегающим глазам. Кто пьян настолько, что уснёт, — по тому, как долго ищет ремень. А кто хочет, чтобы его просто не трогали, — по тому, как прижимается к окну и смотрит на огни. Таких он возил особенно бережно. Женщины, девушки, иногда совсем юные. Они садились на заднее сиденье, будто извиняясь за само своё присутствие, и называли адрес тихим голосом. Захар не спрашивал, что случилось. Он просто вёз. Первый заказ прилетел почти сразу. Женщина лет сорока, с тяжёлыми сумками. Ехала от «Ашана» до Кунцевской. Всю дорогу говорила по телефону с кем-то, кого называла Валерик, — ругалась, вздыхала, обещала «приехать и всё решить». Расплатилась наличными, оставила тридцать рублей чаевых. — Спасибо, — сказал Захар. И сразу взял следующий заказ. Вторым был парень в дорогом пальто. Пахло от него коньяком и ментоловыми сигаретами. Он попросил сделать тише печку, потом громче радио, потом вообще всё выключить. Захар возил его кругами: Патрики, Кутузовский, снова центр. Парень платил картой, не глядя на цену, и вышел у клуба, хлопнув дверью так, что машина качнулась. Захар не разозлился. Просто проверил салон — не забыл ли чего. На сиденье остался чужой резкий запах. Он опустил стекло, впустил сырой вечерний воздух. И поехал дальше. К девяти он выпил кофе на заправке у ТТК. Кофе был горьким, но горячим. Захар стоял у машины, смотрел, как по эстакаде медленно ползут фары, и думал, что осень в Москве всегда пахнет одинаково: бензином, сырой землёй и чем-то сладковатым, как подгнившие яблоки. Телефон снова завибрировал. Заказ с Малой Бронной. Он сел, пристегнулся, включил навигатор. Она вышла из-за угла через три минуты. Тонкая, светлая, в длинном пальто, из-под которого выглядывали острые колени. Волосы стянуты в небрежный пучок, несколько прядей выбились и прилипли к щеке — то ли от ветра, то ли от слёз. Глаза большие, светлые, с красными веками. Она села на заднее сиденье и тихо сказала: — На Бауманскую, пожалуйста. Захар кивнул. Ехали молча. Девушка смотрела в окно, и в стекле отражались огни витрин, скользя по её лицу, как по воде. Она не звонила, не листала телефон — просто сидела, прижав сумку к груди, и дышала так, будто училась заново. Захар пару раз взглянул в зеркало. Она не заметила. Или сделала вид. — Осторожно, — сказал он, тормозя

перед поворотом. — Там яма. — Спасибо, — отозвалась она, не оборачиваясь. На Бауманской она попросила остановить у старого дома с облупленной лепниной. Вышла, расплатилась в приложении, поблагодарила. Захар смотрел, как она переходит дорогу. Как замирает у подъезда, доставая ключи. Как исчезает за дверью. Он не уехал сразу. Постоял минуту, глядя на тёмные окна. Потом переключил передачу и медленно выехал со двора. В салоне остался слабый запах — не духов, а чего-то другого. Пыли? Свежего хлеба? Он не понял. Опустил стекло. Впустил ночь.---

Глава 2. Эхо

В тот вечер Захар снова вышел в ночь. Днём он проспал до полудня, потом варил пельмени, смотрел в окно, как по карнизу ползёт дождь. Мысли были вязкие, пустые. Обычный выходной между сменами, когда не знаешь, куда себя деть, и ждёшь вечера. К семи стемнело окончательно. Он надел куртку, проверил телефон, сунул в карман ключи. В кармане обнаружилась смятая бумажка — кассовый чек из аптеки. Он не помнил, чтобы ходил в аптеку. Развернул: капли для сна. Дата — позавчера. Захар постоял, глядя на белый прямоугольник, потом скомкал и выбросил в мусорное ведро у подъезда. Странно. Но мало ли. Мог купить машинально и забыть. Сон в последнее время и правда был рваным, как старый приёмник: то просыпался среди ночи от тишины, то не мог встать утром. Он сел в машину, включил печку, поправил зеркала. Телефон поймал сеть, приложение загрузилось, и почти сразу прилетел первый заказ. Мужчина на Рижскую. Всю дорогу кашлял в кулак и смотрел в телефон. Потом — девушка с двумя огромными пакетами из «ВкусВилла». Попросила подождать у подъезда, «пока не зайдёт, а то страшно». Захар подождал. Она скрылась за дверью, но свет в окне так и не загорелся. Он постоял ещё минуту и уехал. После полуночи заказы поредели. Москва успокаивалась, уходила в туман, в шум отопительных труб, в редкие вспышки светофоров на пустых проспектах. Он выехал на набережную. Река лежала чёрная, маслянистая, в редких бликах фонарей. Захар опустил стекло, закурил. В салон потянуло холодом и йодом. Телефон завибрировал. Заказ — с улицы Короленко, из района, где он не был месяца два. Адрес показался смутно знакомым, но Захар не стал вспоминать. Просто нажал «Принять». Пассажирки на месте не оказалось. Он припарковался у старой пятиэтажки, позвонил — длинные гудки. Подождал. Уже хотел отменять, как дверь подъезда скрипнула. Девушка вышла быстро, не глядя по сторонам. Худая, в сером пуховике, из которого торчала тонкая шея. Волосы светлые, будто не расчёсанные. Села на заднее сиденье и бросила: — К МЦК, на Шелепиху. Быстрее, пожалуйста. Захар тронулся. Она смотрела в окно, но слишком пристально, словно искала кого-то среди ночных прохожих. Он не лез. Молчал. Только раз глянул в зеркало. — У вас кровь, — сказал он. Она дёрнулась. — Где? — На манжете. Справа. Девушка опустила глаза. На серой ткани — тёмное пятно. Она резко одёрнула рукав. — Не моя. С работы. Он не ответил. Они ехали молча, и в салоне стало как будто холоднее. Высадив её, Захар остановился у круглосуточной «Пятёрочки», чтобы взять кофе. Продавщица, немолодая, с усталым лицом, стояла у кассы и слушала радио. — ...тело обнаружено сегодня утром в Измайловском парке. По предварительным данным, погибшая — женщина тридцати четырёх лет. Источник сообщает, что на месте преступления найдены некие символы, значение которых устанавливается... Захар замер. Кофе дымился в стаканчике, обжигая пальцы. — Ужас, — сказала продавщица, не глядя на него. — Уже вторая за месяц. И, говорят, обе — такие... светленькие, худенькие. Как на подбор. — Вторая? — переспросил он. — Ну да. Первую нашли возле ВДНХ. Тоже знаки какие-то. Маньяк, похоже. Он кивнул, расплатился, вышел. В машине включил радио. Обсуждали то же самое. Говорили невнятно, с помехами: «полиция не комментирует», «почерк схожий», «ритуальная подоплёка не исключена». Захар сидел, смотрел на мокрое лобовое стекло. Дождь усилился. Капли ползли по стеклу, ломая свет фонарей. Телефон завибрировал. Заказ — снова на восток, в Гольяново, к самому парку. Он не сразу нажал «Принять». Пальцы лежали на руле,

а в голове крутилась фраза: обе такие... светленькие, худенькие. Как на подбор. Захар тряхнул головой, выдохнул. Нажал. Машина выехала с парковки, разбрызгивая лужи.

Глава 3. Чужая вещь

Следующая смена началась поздно. Дождь кончился, но воздух стал резким, стеклянным — так бывает перед первыми заморозками. Москва остывала, и вместе с ней остывало всё внутри. Захар взял машину после техосмотра, проверил масло, протёр фары. В салоне пахло так, будто сюда садился кто-то чужой. Не пассажир — а кто-то, кто был здесь долго. Запах сырости, как от мокрой шерсти, и слабый, почти неуловимый шлейф чего-то гнилого. Он побрызгал освежителем, открыл все двери на пару минут. Не помогло. Запах ушёл, но не до конца — спрятался под обшивкой, как прячется вода под половицей. Захар сел за руль и включил зажигание. Заказы шли неровно. Сначала — длинный рейс во Внуково: мужчина с чемоданом, всю дорогу говоривший по-английски. Потом — пара студентов на «Октябрьскую», пьяно хохочущих и просивших врубить «пожестче». Захар молчал. Выходя, студенты оставили на сиденье скомканный флаер. Он выкинул его в урну на ближайшей остановке. После полуночи город притих. Захар катал по центру, ловил короткие заказы. Усталость подступала волнами: то отпускала, то наваливалась свинцовой тяжестью на веки. Он выпил ещё кофе, но тот не бодрил — просто горечью расползался по языку. В районе Чистых прудов телефон завибрировал. Заказ — с улицы Машкова, недалеко. Он принял и через четыре минуты уже стоял у тёмного подъезда. Она вышла не сразу. Он видел в зеркало, как в глубине двора качнулась тень, потом скрипнула дверь. Девушка лет двадцати, невысокая, в длинном чёрном пальто и с рюкзаком на одно плечо. Волосы собраны в хвост, лицо бледное, скуластое. Села на заднее сиденье и тихо назвала адрес — где-то на юго-западе. Ехали долго. Москва за окном листалась, как тёмная книга: фонари, мосты, пустые витрины, редкие машины. Девушка молчала. Только раз спросила: — Вы не против, если я открою окно? — Пожалуйста. Она опустила стекло на ладонь. В салон вполз холодный воздух, пахнувший гарью и мокрым камнем. Она высунула руку, подержала на ветру, потом вернула обратно. — Станный город, — сказала она. — Иногда кажется, что он следит. Захар не ответил. В зеркале мелькнуло её отражение — бледное пятно, глаза в тени. — У вас не бывает такого? — спросила она. — Едешь, а за тобой будто кто-то едет. Не видно, но чувствуется. — Бывает. — И что вы делаете? — Смотрю в зеркало. Она слабо улыбнулась, но улыбки не было видно — только тень двинулась на губах. У подъезда она расплатилась картой, вышла, не попрощавшись. Захар смотрел, как она пересекает двор. Как исчезает в подъезде. Потом перевёл взгляд на заднее сиденье. На коврике лежало что-то маленькое, блестящее. Он потянулся назад, поднял. Серьга. Тонкое серебряное колечко с крошечной подвеской-полумесяцем. Тёплая, будто только что выпала из уха. Он хотел окликнуть её, но окно уже не горело, и улица была пуста. Захар повертел серьгу в пальцах и положил в подстаканник. Завтра можно будет написать в поддержку. Вдруг объявится. Он не знал, что через двое суток увидит эту серьгу снова. В новостях. В репортаже с места, где найдут тело. Крупным планом — трава, обрывок цепочки, чья-то рука. И рядом, на земле, аккуратно положенная, будто специально для него, — серебряная серьга с полумесяцем. Но до этого были ещё два дня. Два дня, которые Захар прожил как обычно: спал, ел, выходил в смену, слушал радио, смотрел на город. Он ещё не знал, что уже стал частью чужого кошмара.

Глава 4. Перелом

Он узнал о ней во вторник. Утро выдалось серым, промозглым. Захар проснулся от того, что в окно бился дождь — не ливень, а мелкая, злая морось, из тех, что забирается под одежду. Голова была тяжёлая, как после чужого похмелья. Во рту — привкус пыли. Он лежал, глядя в потолок, и не мог понять, почему так тихо. Обычно по утрам что-то шумело: соседи, лифт, улица. Сегодня — ничего. Только капли по подоконнику. Телефон лежал на полу, экраном вниз. Он поднял его, разблокировал. В приложении такси висел незавершённый заказ. Маршрут — в Нагатино, на улицу, которую он не помнил. Время — 04:17 ночи. Захар смотрел на

экран, и внутри медленно, как холодная вода, поднималось что-то, чему он пока не знал названия. Он не работал в ту ночь. Или работал? Он не помнил. Помнил только, как лёг спать около полуночи и как провалился в темноту — без снов, без движения, будто отключили свет. Он закрыл приложение. Потом открыл снова. Заказ висел. «Поездка завершена» — горело серым. Он не помнил, чтобы завершал. Захар сел на кровати, потёр лицо. Пальцы дрожали — едва заметно, как после долгой болезни. Он заставил себя встать, открыть окно. В комнату потянуло сырым воздухом, пахнувшим ноябрём. Вечером он вышел в смену, потому что не знал, чем ещё занять себя. Дождь к тому времени кончился, но город оставался мокрым, блестящим, как лакированный. Машина завелась с пол-оборота. В салоне было холодно, и холод этот не уходил, даже когда печка прогрелась. Он включил радио. На волне, где обычно крутили старые песни, теперь говорили. Захар не сразу вслушался. — ...третья за месяц. Тело девушки найдено недалеко от Нагатинской набережной. Установлено, что погибшей двадцать три года. Причины смерти выясняются, однако источники сообщают, что на месте обнаружены те же символы, что и на предыдущих телах. Серия продолжается. Он не выключил. Просто сидел, глядя перед собой, а голос из динамика бубнил дальше — про район, про следствие, про то, что «полиция просит граждан сохранять бдительность». Потом сказали адрес. Не весь — только улицу. Ту самую, на которую вёл ночной заказ. Захар медленно повернул ключ. Двигатель затих. В салоне стало совсем тихо. Только снаружи шумел город.

Вставка 1. Из сводки — Это не он, — сказал майор, не глядя на вошедшего. — Почему? — Потому что у него нет системы. Он не оставляет следов, но хочет, чтобы его видели. Это не совпадает. Он бросил на стол две фотографии. На обеих — женские тела, снятые с высоты. Лиц не видно. Только светлые волосы, разметавшиеся по земле, и что-то, выведенное рядом с телом. Ровно. Без торопливости. — Это подпись, — сказал майор. — Он подписывает их. — Как художник? — Нет. Как хозяин. Он поднял глаза. — И он далеко не первый.

Глава 5. Голос в эфире

«...и снова здравствуйте, Москва. В эфире ночной канал "Столица". В городе плюс два, влажность высокая, к утру возможны заморозки. На дорогах — без серьёзных происшествий, но ГИБДД просит быть внимательнее на эстакадах и в районе ТТК: ожидается туман. А теперь — к главной теме последних дней. Четвёртая жертва. Тело девушки обнаружено сегодня ранним утром у Ботанического сада. По предварительным данным, погибшей около двадцати шести лет. Источники в полиции сообщают, что на месте преступления вновь найдены знаки, идентичные предыдущим. Официальные комментарии отсутствуют. Следствие отказывается связывать серию воедино, однако источники называют почерк "практически идентичным". Мы продолжаем следить за ситуацией...» Захар слушал радио, стоя у «Магнолии». Он не собирался выходить в смену так рано, но дома было невыносимо. Стены давили. Телевизор молчал. А телефон снова показал незавершённый маршрут, которого он не помнил. Он взял кофе, но пить не стал. Стаканчик грел ладонь, пока он шёл к машине. Город дышал сыростью, фонари уже горели, хотя по-настоящему темно ещё не стало. В воздухе висел туман — не плотный, а рваный, как дым от чужой сигареты. Сел за руль, отхлебнул кофе. Вкус был жестяной. Он включил приложение, дождался заказа и тронулся. Смена началась как обычно. Сначала мужчина с портфелем — до Киевского вокзала. Потом женщина с ребёнком — до поликлиники на «Преображенской». Потом ещё один, ещё. Мелькали лица, голоса, адреса. Захар работал на автомате: поворот — сигнал — зеркало — снова поворот. Разговоры пассажиров сводились к одному: — Это правда, что их уже четверо? — Да менты опять ничего не могут. — Я теперь вообще в такси не сажусь. Захар молчал. Он слушал. В салоне пахло всё той же сыростью, въевшейся под обшивку. Иногда казалось, что запах становится сильнее, когда он останавливается на светофоре. Будто город выдыхал что-то в окно. Очередной заказ прилетел в десятом часу. Адрес — тихий переулок у Сокола. Захар подъехал, встал у старого дома с затемнёнными окнами. Через минуту из подъезда вышла девушка. Она была именно такой, каких он иногда видел в

зеркале заднего вида: тонкая, светлая, с длинной шеей и бледным лицом, будто вырезанным из алебаstra. Волосы распущены, губы тронуты бледной помадой, пальто серое, слишком лёгкое для ноября. Она села на заднее сиденье и назвала адрес — где-то у Парка Победы. — Добрый вечер, — сказала она негромко. — Добрый, — ответил Захар. Машина тронулась. Она не стала пристёгиваться, и он не напомнил. Они ехали по затихающему городу. Она смотрела в окно, но изредка поглядывала вперёд, на затылок Захара, и ему казалось, что он чувствует этот взгляд, как лёгкое дуновение. — Вы всегда работаете ночью? — спросила она. — Почти всегда. — Не страшно? — Чего? — Ну, после того, что в городе происходит. Захар помолчал. — Я просто вожу. — И всё? — И всё. Она не ответила. Отвернулась к окну, прижалась лбом к стеклу. На стекле остался след — как от прикосновения чего-то очень лёгкого. Они подъехали к нужному дому. Девушка расплатилась, вышла, не попрощавшись. Захар смотрел, как она уходит вглубь двора, как её светлый силуэт растворяется в тумане. Потом наклонился, посмотрел на заднее сиденье. На коврике лежала перчатка. Серая, вязаная. Одна. Он вышел, догнал её у подъезда. — Вы забыли. Она обернулась. Лицо белое, как бумага. — Нет, — сказала она. — Это не моя. И скрылась за дверью. Захар остался стоять с перчаткой в руке. Она была холодной, как будто её только что вытащили из воды.

Вставка 2. Из протокола — Двадцать минут назад у Парка Победы заявка. Девушка, двадцать четыре года. Светлые волосы, серое пальто. Свидетели видели, как она садилась в такси. Машина тёмная, марка не установлена. Номер не запомнили. Но знак — тот же. — Что с телом? — Лежит у гаражей. Поза та же. Руки раскинуты. И свежая царапина на ладони, как у предыдущей. Будто сама чертила по асфальту, пока... — Хватит. — Я просто говорю. — Говори. Но без «будто».

Глава 6. Ночной

Город в этот час был пуст, но не мёртв. Он дышал иначе — рвано, как человек, притворяющийся спящим. Где-то за домами катился запоздалый троллейбус, шурша штангами по проводам. У ларька горела тусклая лампочка, и от неё на асфальт ложилось жёлтое пятно, подрагивающее от ветра. Ночной шёл дворами. Он не прятался, но и не выходил на свет. Просто скользил вдоль стен, как тень, которую отбрасывает не человек, а само безветрие. Он знал её адрес. Знал, что окно на третьем этаже. Что занавески тёмные, плотные, но слева остаётся зазор. Знал, что она вернулась домой двадцать минут назад, что долго не снимала обувь, что не стала ужинать. Он знал это не потому, что следил именно сегодня. Он знал это, потому что всё запоминал. Всегда. Он был терпелив, как вода, которая точит камень не ради цели, а потому что иначе не умеет. Она села в такси четыре дня назад. Тогда он впервые её увидел. Она вышла из-за угла, и фонарь упал на её лицо, как свет упадет на чужую икону. Лёгкая, светлая, с тонкими запястьями и бледной жилкой на виске. Она улыбнулась, садясь. Не ему — кому-то в телефоне. Но он поймал эту улыбку в зеркале. Тогда он ещё не знал, что выберет её. Нет. Такие, как она, выбирались не умом. Что-то внутри щёлкало, как замок, и он понимал: эта. Потом были дни. Он не скучал. Он наблюдал. Выходил из машины в её районе, стоял у соседнего подъезда, смотрел, как она выносит мусор, как курит у окна, как трогает волосы. Один раз она прошла совсем близко, и он почувствовал запах — пудра, мята, холод. И тогда внутри, под рёбрами, разлилось то, что он не называл. Теперь он стоял у её дома. Дверь подъезда была с домофоном. Он набрал три цифры наугад — не для того, чтобы войти. Просто проверил. Из-за двери донеслось, как домофон пискнул и умолк. Через полминуты сверху скрипнула дверь. Кто-то вышел на площадку и снова ушёл. Он подождал. Потом набрал ещё раз. Тишина. Тогда он достал из кармана карту. Не банковскую — серую, с магнитной полосой. Провёл по щели. Замок щёлкнул не сразу, но поддался, как поддаётся всё, что ждёт. Он вошёл. В подъезде пахло побелкой и сырыми тряпками. На полу — мелкая плитка, местами выщербленная. Он ступал по краю, чтобы не шуметь, хотя мог бы не прятаться: в этот час все спят, а если кто и услышит, то примет за соседа. Третий этаж. Дверь слева. Обита тёмным дерматином, на стене —

кнопка звонка, заклеенная полустёртой бумажкой. Он знал: звонить не будет. Постоял перед дверью. Минуту. Две. Слушал. За дверью — тишина. Только где-то в глубине квартиры капает кран. Ровно. Медленно. Как чужое сердце. Он достал из внутреннего кармана тонкую полоску металла и наклонился к замку. Руки были спокойны. Дыхание ровное, как у человека, который делает давно знакомую работу. Замок щёлкнул. Он вошёл в прихожую. Темно, но он не включал свет. Просто постоял, пока глаза не привыкли. В нос ударил запах её жилья: свечи, пыль, стиральный порошок. На вешалке — то самое серое пальто. Он снял обувь. Аккуратно, не развязывая шнурков. Поставил у порога, носками к выходу. Дальше — медленно, как во сне, где не ты идёшь, а пространство движется вокруг тебя. Комната. Кровать. Она спит, свернувшись на боку. Одна рука под подушкой, другая свесилась, как сломанная. Волосы по подушке — светлые, почти белые в темноте. Он сел на край кровати. Не коснулся. Просто смотрел. Она не проснулась. Даже дыхание не изменилось. Только ресницы дрогнули, как будто внутрь прокрался чужой сон. Он поднял руку. Подумал: какая тонкая. Потом опустил — не для удара, а чтобы поправить прядь, прилипшую к её щеке. Она задышала чаще. Но не проснулась. Тогда он вынул из кармана то, что было там всё это время. Не нож. Не верёвку. Что-то маленькое, прохладное. Чуть тяжелее, чем кажется на вид. Он наклонился ниже. Совсем близко. И в этот момент она открыла глаза. Не закричала. Это было хуже. Она просто смотрела, не мигая, будто узнала его. Будто ждала всё это время. Губы шевельнулись — то ли имя, то ли молитва. Он приложил палец к её губам. — Тише, — сказал он. — Ты уже дома. Потом всё пошло быстро. И одновременно — бесконечно медленно, как будто время растянулось, как резина. Она дернулась, но он уже был сверху. Не грубо. Просто тяжело, как одеяло. Он пережал её дыхание не сразу — дал вдохнуть, почувствовать, как сужается воздух. Она царапала его запястья. Он не чувствовал боли. Только как её ногти скользят по коже, оставляя тонкие следы. Он смотрел ей в глаза. Она видела его. И в этом было всё. Когда тело обмякло, он не сразу отпустил. Держал ещё несколько секунд, будто слушая, как внутри неё затихает последний шум. Потом аккуратно опустил её руки вдоль тела. Поправил волосы. Одеяло — до груди. И только тогда приступил к подписи. Он не рисовал. Он оставлял. Прямо на коже, на сгибе левой ключицы. Не кровью — чем-то чёрным, что всегда носил с собой. Знак был простой, но точный. Его нельзя было спутать ни с чем. Он рисовал медленно, не отрывая руки. Глаза полузакрыты, губы шевелились, как у человека, читающего про себя. Потом выпрямился. Посмотрел на неё. — Вот и всё, — сказал он тихо. — Теперь ты не изменишься. Уходил он так же, как пришёл: тихо, дворами, не оглядываясь. В небе начинал проступать серый свет. Город ворочался, но ещё не проснулся. Он сел в машину, прогретую чужой ночью, и положил руки на руль. На запястьях остались царапины. Он посмотрел на них и впервые за ночь почувствовал что-то, похожее на усталость. Не раскаяние. Не страх. Просто пустоту, в которой начало светать.

Вставка 3. Из сводки — Пятая. Найдена соседкой. Дверь открыта, свет выключен. Знак — на ключице. Тот же. — Как вошли? — Замок не взломан. Либо знал код, либо есть универсальный ключ. — Или она сама открыла. — Нет. Не она. Царапины на запястьях, но не на двери. Она не ждала. — Тогда почему не кричала? — Может, не успела. — Или знала его. — Проверяем круг. Пока пусто. Она никого не боялась. — Они никогда не боятся. Пока не становится поздно.

Глава 7. Что-то не так

Он проснулся от того, что затекла рука. Не от будильника, не от шума — просто внутри что-то щёлкнуло, будто тело само решило, что пора. Глаза открылись, но сознание ещё не вернулось. Захар лежал, глядя в потолок, и не мог понять, где кончается сон и начинается явь. Потолок был прежним. Серым, с трещиной в углу, похожей на ветку. Шторы задёрнуты, но сквозь щель пробивался свет — белый, режущий, ноябрьский. Он полежал ещё. Потом медленно повернул голову. В комнате ничего не изменилось. Та же тумбочка, тот же стакан с водой, тот же телефон, лежащий экраном вниз. И всё же казалось, будто ночью здесь кто-то был. Не двигал вещи, не открывал дверь — просто прошёл сквозь воздух и оставил после себя

неправильность. Такую, какую чувствуешь кожей, а объяснить не можешь. Захар сел. В голове — мутная тяжесть, как после долгой болезни. Во рту — вкус пыли и чего-то медного. Он сглотнул. Потянулся за стаканом. И замер. На запястьях — царапины. Тонкие, параллельные, будто кто-то цеплялся за него в темноте. На левой — четыре. На правой — три. Неглубокие, но свежие. По краям — подсохшая корочка, лёгкая краснота. Он оставил стакан и поднёс руки к лицу. Сначала не понял. Потом внутри стало пусто и гулко. Кошка? Нет, кошки не было. Сон? Может быть. Но царапины так не выглядят. Слишком ровные. Слишком человеческие. Он откинул одеяло, встал. Ноги ватные, но тело слушается. Прошёл в ванную, не включая свет. В зеркале — лицо. Осунувшееся, сероватое, с тёмными ямами под глазами. Он смотрел на себя, будто на чужого. Умылся ледяной водой. Стало легче, но ненадолго. Царапины снова привлекли взгляд. Он повернул руки — на ладонях тоже были следы. Мелкие, как от асфальта. Будто он ночью хватался за землю. Или за кого-то. Захар вернулся в комнату, поднял телефон. Экран загорелся. Время — 11:47. Проспал дольше обычного. В уведомлениях — пропущенный звонок с незнакомого номера, сообщение от оператора, новости. Он открыл новости. Первой строкой — сводка. «В Москве найдена пятая жертва маньяка. Тело девушки обнаружено утром в квартире на юго-западе. На теле — знак, идентичный предыдущим. Источники сообщают, что жертва не была связана с предыдущими. Полиция ищет свидетелей». Захар не читал дальше. Просто смотрел на экран, и буквы расплывались перед глазами, как под водой. Пять. Он снова глянул на руки. Потом на телефон. Потом на окно. Внутри нарастал гул — не страх, а то, что бывает перед страхом: ощущение, что пол под ногами стал тоньше. Он зашёл в приложение такси. Открыл историю поездок. Проллистал вниз. Последняя поездка — вчера, 23:48. Адрес подачи — где-то у Сокола. Адрес назначения — Парк Победы. Он помнил эту поездку. Девушка. Светлые волосы. Серое пальто. Перчатка на коврике. Но после неё была ещё одна. Он точно знал: вышел из машины, вернулся домой, лёг. Так ведь? История показывала только одну поездку. Последнюю. Сданную в 00:16. Но во рту — медный привкус. А на руках — следы. Он оделся, не глядя, что берёт. Внутри всё звенело, как натянутая струна. Хотелось выйти, закурить, сесть в машину и ехать куда-нибудь, где шумно, где люди, где не слышно собственных мыслей. У двери он остановился. На полу, у самого порога, лежала чёрная нитка. Не его. Он не носил чёрного. Захар наклонился, поднял. Нитка была тонкой, как волос, почти невесомой. Он повертел её в пальцах и вдруг почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он не знал, откуда она. Но что-то внутри уже знало. И это что-то начало просыпаться.

Глава 8. Вспышки

Он вышел в смену в третьем часу. День был серый, как застиранная простыня. Небо висело низко, цеплялось за крыши, и свет был такой, будто солнце забыли включить. Захар сел в машину, прогрел мотор, пару минут смотрел перед собой. В салоне было холодно, но он не стал ждать, пока станет тепло, — просто тронулся. Город встретил его равнодушно. Пробка на ТТК, мокрая грязь на обочинах, люди, бегущие через дорогу, подняв воротники. Он ехал и старался не думать. Не получалось. Первый заказ — женщина с сумками из детского мира. Она села на заднее сиденье, тяжело вздохнула и попросила сделать музыку потише. Он выключил совсем. В тишине она вдруг сказала: — Вы слышали, опять нашли. Пятую. Прямо в квартире. Как так можно — зайти и... Она не договорила, махнула рукой. — Не знаю, — сказал Захар. — Я теперь боюсь такси вызывать. Но что делать? Метро далеко. Он не ответил. И тогда, на светофоре, когда она замолчала и смотрела в окно, в голове что-то мигнуло. Вспышка. Лестничная площадка. Жёлтый свет. Дверь приоткрыта. Изнутри тянет холодом. Он стоит на пороге и смотрит, как на полу, у самых ног, лежит тонкая серебряная цепочка. Кажется, что она ещё тёплая. Захар моргнул. Светофор загорелся зелёным. Он тронулся с места, чувствуя, как ладони вдруг стали липкими. Следующий пассажир — парень лет тридцати, наушники, спортивная сумка. Он не разговаривал. Только раз спросил: — До МЦК сколько? — Минут пятнадцать. Дальше ехали молча.

Вспышка. Пустырь. Трава мокрая, тёмная. Ветер треплет чьи-то волосы. Она лежит на спине, руки раскинуты, будто хотела обнять небо. На шее — тёмный след, но не от пальцев. Он стоит рядом и смотрит, как дождь смывает с её щеки чёрную стрелку туши. — Здесь, — сказал парень. Захар вздрогнул. Они уже стояли у МЦК. — А? Да. Сорок секунд. Парень расплатился, хлопнул дверью. Захар выдохнул. Пальцы на руле дрожали. Он взял паузу. Остановился у парка, заглушил мотор. Достал сигарету, прикурил. Табак показался безвкусным. Он сидел и смотрел, как по аллее идёт девушка с рюкзаком. Тонкая, в шапке, надвинутой на глаза. Шла быстро, не оглядываясь.

Вспышка. Ночь. Подъезд. Он поднимается по ступеням. На втором этаже — детская коляска. В коляске спит кукла с закрытыми глазами. Он проходит мимо, касается её волос. Волосы настоящие. Захар затянулся слишком резко, закашлялся. Выбросил сигарету, не потушив до конца. Дальше снова заказы. Они шли один за другим, как капли из крана. Москва не давала передышки. Он возил, останавливался, ждал, уезжал. Лица пассажиров смазывались. Но иногда среди них мелькали те, кого он уже видел. Нет. Не сегодня. Везде.

Вспышка. Кухня. Чайник свистит, но его никто не выключает. Она лежит на полу, и свет от окна ложится на её голые плечи, как покрывало. Он наклоняется и поправляет выбившуюся прядь. На плите начинает подгорать что-то сладкое. — Вы не подскажете, а это правда, что он оставляет знак? Захар поднял глаза в зеркало. Девушка лет девятнадцати смотрела прямо на него. — Кто? — спросил он. — Маньяк. Про него же везде говорят. — Не знаю. — А я слышала, что у него почерк как у художника. Что он не просто убивает, а как будто... подписывает. — Куда вам? — спросил Захар, чтобы сменить тему. Она назвала адрес. Он тронулся. К ночи город стал плотнее от тумана. Захар ездил уже по инерции, не думая, не запоминая. Телефон гудел, он принимал заказы, вёз, высаживал, снова ждал. В голове было тихо. Но это была та тишина, после которой бывает громко. Он остановился на заправке. Вышел, вдохнул мокрый воздух. На стене у туалета висело объявление: «Пропала девушка. Светлые волосы, худощавая, ушла из дома...» Он не стал читать. Отвернулся. Но в тёмном стекле витрины увидел своё отражение. И на долю секунды ему показалось, что отражение улыбнулось. Не ему. Не ему.

Вставка 4. Из сводки — Он снова ездил. В ночь с пятого на шестое — четыре заявки, все в разных районах. Подняли записи с камер. Машина тёмная, номера читаются частично. Водитель один. Сидит, не выходит. Иногда стоит у адресов по десять — пятнадцать минут. Потом уезжает. — Почему не берём? — Потому что это полгорода. У нас три тысячи таких водителей в одну смену. А он — один. И он знает, где камеры. — Или он просто везёт. А тело оставляет другой. — Тогда почему маршруты совпадают с местами обнаружения? — Потому что город — это одна большая рана. И она не заживает.

Глава 9. Следы

Дом встретил его тишиной и запахом застоявшейся пыли. Захар закрыл дверь, не включая свет. Прислонился к стене в прихожей, постоял так, слушая, как оседает внутри гул дороги. Сердце билось ровно, но где-то в груди, под рёбрами, дрожала тонкая струна — как перед грозой. Он включил свет. Квартира выглядела так же, как утром. И всё же — не так. Захар не мог сказать, что изменилось. Не переставлены вещи. Не открыты окна. Но воздух был другой. Плотный. Будто кто-то дышал здесь до него. Он прошёл в комнату, сел на кровать. Телефон положил рядом, экраном вниз. Некоторое время просто смотрел в стену. Потом медленно, как человек, заходящий в холодную воду, потянулся к тумбочке. Там лежали мелочи: чек, резинка для волос, старая визитка. Он брал их по очереди, вертел, клал обратно. Всё было его и не его одновременно. Потом открыл ящик. Тот самый, нижний, куда сваливал всё ненужное. Внутри — провода, блокнот, сломанные наушники. И что-то ещё. Заколка. Тонкая, чёрная, с обёрнутыми ниткой зубцами. Он держал её перед собой, и внутри медленно, как ржавчина, расплзалось узнавание. Он не носил заколок. У него никогда не было девушки, которая могла бы оставить такую. Значит, её принёс он. Захар отложил заколку на край стола — она могла

обжечь. Потом встал, включил верхний свет, оглядел комнату. Он стал смотреть иначе — не как жилец, а как чужой. Как тот, кто зашёл впервые и пытается понять, кто здесь живёт. На подоконнике — царапина. Тонкая, свежая. Он провёл пальцем. Остался серый след. Это сделали не им. Он открыл шкаф. Вещи висели ровно, но пахли иначе — верхняя одежда, впитавшая чей-то холод. Он вытащил куртку, осмотрел карманы. В левом — скомканная бумажка. Развернул: обрывок кассовой ленты. На обратной стороне — несколько цифр, нацарапанных неровно. Не его почерк. Он бросил бумажку на пол, но не поднял. Стоял, смотрел на неё, как на доказательство, которое некуда нести. Потом он пошёл на кухню. Включил чайник, не зажигая большого света. В полутьме окно блестело, как чёрное зеркало. Он не смотрел в него. Не хотел видеть, что сзади никого нет. Чайник закипел, выключился. Захар так и не налил воду. Стоял у стола, опираясь ладонями о край. Голова гудела. — Это не я, — сказал он вслух. Голос прозвучал глухо, как из-под воды. — Это не я, — повторил он. Но царапины на запястьях саднили. Он вернулся в комнату, взял телефон. Долго смотрел на иконку приложения такси. Потом открыл настройки, нашёл историю маршрутов, выгрузил за месяц. Сев за стол, начал листать. Сначала — просто глазами. Потом взял лист бумаги, ручку и стал выписывать даты. Ночь. Адреса. Время. Он не знал, зачем это делает. Просто не мог иначе. Список рос. Некоторые маршруты он помнил смутно, другие — совсем не помнил. Но совпадали они с одним: районы, где потом находили тела. Он гнал от себя эту мысль, но она возвращалась, как тошнота. Напротив трёх дат он поставил знак вопроса. Напротив двух — тире. Напротив одной просто оставил пусто. Потом отложил ручку. Посмотрел на лист. Это был не план. Это была карта. Он лёг только под утро. Не раздеваясь, на спину, глядя в потолок. Сон не шёл. Тело гудело от усталости, но мозг не отключался. В ушах — обрывки радио, разговоров, шагов на лестнице. Он не хотел засыпать. Потому что не знал, кто проснётся.

Вставка 5. Из блокнота следователя Серия не имеет логики. Он не выбирает по датам, не привязывается к дням недели. Жертвы разные по возрасту, соцстатусу, району. Общее — типаж. Все блондинки. Все худощавые. Все — «светлые». Ощущение, что он ведёт список. Идёт по нему. Не сбивается. Знак на теле — не сатанинский. Это что-то другое. Простая геометрия, но вывернутая. Кто-то из наших говорит, что видел похожее на стенах в психушке. Кто-то — что это перевёрнутая буква. Я не знаю. Но знаю, что он не остановится.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТРЕЩИНЫ

Глава 10. Изнутри наружу

Он не спал почти сутки. Это было видно по лицу, по движениям, по тому, как он держал руль — слишком крепко, будто боялся, что машина вырвется и поедет сама. Захар выехал в смену, когда уже стемнело. Город был мокрый, тревожный. Фонари отражались в лужах, как в мазуте. Дворники мотались по стеклу, и каждый их взмах казался оглушительным. Он включил радио — и сразу пожалел... шестая жертва за три недели. Тело найдено на детской площадке в Южном Бутове. Рядом с телом вновь оставлен тот же символ. В городе введено усиленное патрулирование. Жителей просят не выходить ночью без необходимости... Захар переключил волну. Там играла старая песня, но и она звучала глухо, как из-под земли. Первый заказ — из спального района. Он ехал дворами, объезжал пробки, и каждая тень в свете фар казалась ему фигурой. На заднем сиденье никого не было, но он ловил себя на том, что постоянно смотрит в зеркало. Вспышка. Ночь. Детская площадка. Качели ещё качаются, хотя ветра нет. Она сидит на песке, откинув голову, будто смотрит на луну. Только глаза закрыты. И на шее — тёмный след, похожий на ожерелье. Захар моргнул. Перед машиной перебежала дорогу кошка. Он резко затормозил, дёрнул руль вправо. Обошлось. Руки дрожали. Пассажиры в тот вечер были нервные. Все говорили об убийствах. Кто-то шёпотом, кто-то нарочито громко, будто страх можно перебить голосом. Женщина лет сорока: — Я теперь смотрю на каждого водителя. Думаю: а вдруг это он? Мужчина с портфелем: — Говорят, он выбирает только блондинок. Светленьких, худеньких. Прямо как моя дочь. Поэтому я её одну никуда не пускаю. Студентка на

переднем сиденье:— А я не боюсь. Если судьба — то судьба. Захар вёз их и молчал. Голоса сливались в один тревожный шум, как радиоэфир, который не выключить. После полуночи он остановился на Мосфильмовской. Вышел из машины, присел у колеса, закурил. Вокруг было тихо. Только капало с деревьев, и шумела МКАД где-то за домами. Он смотрел на свои руки. На запястьях — подвившие царапины. Он больше не верил, что это кошка. Не верил, что это сон. Но и не позволял себе додумать до конца. Вспышка. Комната. Свет выключен. Она стоит у окна, и по лицу её бегут тени деревьев. Он сидит в кресле напротив. Не двигается. Просто смотрит, как она поднимает руку и касается стекла. Потом оборачивается и спрашивает: «Ты пришёл?»— Эй, брат, ты живой? Захар дёрнулся. Рядом стоял парень — водитель с соседней полосы.— Живой, — сказал Захар.— А то сидишь у колеса, как привидение. Ты бледный вообще.— Не выспался.— Ну, ночь длинная. Слышал, опять нашли?— Слышал.— Жесть. У меня жена теперь одна в такси не ездит. Говорит, вдруг маньяк. Захар посмотрел на него. Лицо у парня было простое, усталое, человеческое. Он докурил, сплюнул под колесо и ушёл в машину. Захар остался. Смена продолжалась. Он брал заказы, но теперь каждый новый адрес вбивался в голову, как гвоздь. Он узнавал районы, из которых были жертвы. Одна жила на Войковской. Другая — у ВДНХ. Третья — в Чертанове. Город превращался в карту, на которой невидимая рука проставляла точки. И все точки сходились к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.